

вительство осенью 1905 г. задумало усилить антигерманское острие военной русско-французской конвенции. Республиканской Франции удавалось безвозмездно получить от российской монархии то, за что при других обстоятельствах Францию иные силы заставили бы заплатить очень дорого. Нередкой становилась практика, когда принимались международные решения за спиной России, так в 1906 г. было заключено трехстороннее соглашение Англии, Франции и Италии по Абиссинии (с. 363).

Со знанием дела использовались психологические особенности конкретных влиятельных людей для достижения своих целей. Так, английская дипломатия неоднократно использовала тщеславие и болезненное самолюбие опытного и знаменитого профессора права Ф.Ф. Мартенса, автора Гаагской конвенции, чтобы не допустить его участия, т.е. участия со стороны России, в важных для них международных структурах, в частности в Международной следственной комиссии по расследованию Гулльского инцидента (с. 116)².

И.С. Рыбачёнок определила круг лиц, которые имели возможность влиять на формирование внешнеполитического курса России. Изучив позиции, цитируя мнения и приводя оценки международных событий и действий конкретных лиц, высказанные В.Н. Ламздорфом, Ф.Ф. Мартенсом, графом М.Н. Муравьевым, И.А. Зиновьевым, А.И. Нелидовым, бароном Р.Р. Розеном, графом Н.Д. Остен-Сакеном, графом А.Ф. Гейденом, графом А.К. Бенкендорфом, С.Ю. Витте, А.Н. Куропаткиным,

А.А. Бирюлевым и другими, автор представила широкую панорамную галерею.

Личностные особенности представителей элиты, их жизненный и профессиональный опыт, безусловно, влияли на кругозор и выполняемую ими работу. Однако следует отметить, что между ролевыми характеристиками и различными ролями возникали достаточно серьезные противоречия. Благодаря монографии И.С. Рыбачёнок в отечественной историографии сделан важный шаг в систематизации представлений отечественной элиты по важнейшим вопросам внешней политики и вместе с тем открываются перспективы для ее последующей типологизации.

В названии монографии, к сожалению, не нашли отражения хронологические рамки исследования. Само название – попытка сочетания образа – “закат великой державы” – и научной точности: “внешняя политика России на рубеже XIX–XX вв.: цели, задачи и методы”. Если говорить об образе, то в рецензируемой монографии речь идет о продолжительной трагической истории, скорее, багряном закате, предвещавшем России и миру грозные испытания, но также следует обратиться и к закату, который предшествовал восходу и трансформации отечественной государственности. А с ее появлением и новых руководителей, и иной элиты. Речь шла о свершившемся преодолении принципиальных ошибок Николая II во внешней политике, в частности на Дальнем Востоке. В многоконфессиональной стране, каковой является Россия, нельзя не учитывать, что для мусульман закат – это очищение.

² Происшествие в Северном море – атака российской 2-й Тихоокеанской эскадры британских рыболовецких судов в ночь на 22 октября 1904 г. в Северном море, недалеко от английского города Халл (Гуль).

М.Ю. Лачаева,
доктор исторических наук,
профессор Московского педагогического
государственного университета

БАЛТИЙСКОЕ СОСЕДСТВО: РОССИЯ, ШВЕЦИЯ, СТРАНЫ БАЛТИИ НА ФОНЕ ЭПОХ И СОБЫТИЙ XIX–XXI вв. М.: ЛЕНАНД, 2014, 304 с.

Сборник подготовлен Институтом всеобщей истории (ИВИ) РАН в рамках осуществляющегося с 2010 г. международного научного проекта, нацеленного на изучение взаимодействия и взаимоотношений народов и стран Балтийского региона. Статьи, представленные в сборнике (отв. редактор А.А. Комаров) подготовлены на основе докладов, зачитанных российскими учеными и их коллегами из стран Северной Европы и Балтии на проведенной в рамках про-

екта в июне 2011 г. международной конференции.

О заинтересованности стран Северной Европы и стран Балтии в подобных исследованиях свидетельствуют приветственные обращения посла Швеции в России Т. Бертельмана и посла Латвии в России Э. Скуйи к участникам конференции. Открыл заседание директор ИВИ РАН академик А.О. Чубарьян. Он отметил, что

сотрудничество ученых института с коллегами из стран Северной Европы, осуществляется уже не первый год, “в течение нескольких десятилетий проводятся симпозиумы с историками Швеции и Финляндии... активно развиваются контакты с Норвегией” (с. 13).

Первая из 19 статей сборника – работа д.и.н., проф. В.В. Рогинского (ИВИ РАН) “Изменение политической карты Балтийского региона в эпоху Наполеоновских войн”, в которой отмечается, что именно в рассматриваемый период Швеция фактически обрела свои современные границы (с. 21). В этом контексте автор обращается к тогдашним отношениям Швеции с Норвегией, Данией и Финляндией и в завершении перечисляет такие следы наполеоновских войн в современной Северной Европе, как национальное финляндское государство, шведская династия Бернадотов и конституция Норвегии (с. 27).

К.и.н. Е.Л. Назарова (ИВИ РАН), анализируя письма активного участника латышского национального возрождения Ф. Бривземниекса к историку, профессору Московского университета Н.А. Попову, приходит к выводу, что Бривземниекс противопоставлял прибалтийских немцев русским в процессе национального возрождения Латвии (с. 32). По ее мнению, хотя Бривземниекс и использует выражение “русское дело”, говорить о нем как о стороннике русификации все же нельзя (с. 35–36).

Латвийскую тематику продолжает сотрудник-хранитель Фонда “Достоинство национальностей” Государственной Третьяковской галереи Т.С. Зелюкина. В ее статье “О коллекциях и коллекционерах русского искусства в Латвии в конце XIX – начале XX в.” отмечается, что долгое время этот пласт культурного наследия искажался или был недоступен. По ее мнению в Латвии “почтительно относились к русской культуре”, о чем не стоит забывать на современном этапе российско-латвийского отношения (с. 48–50).

В работе д.и.н. О.В. Чернышевой (ИВИ РАН) рассказывается о том, что в конце XIX в. Финляндия стала “окном” в Россию для шведской “Армии спасения” (с. 55–56). Поскольку эта организация оказывала помощь российским гражданам в годы Первой мировой войны, Швеция принимала многочисленных русских беженцев из Австро-Венгрии и Германии (с. 57–59).

Профессор Института истории и религиоведения Университета г. Тромсё Й.П. Нильсен в статье “Мурманстройка и предположения, что русскому царю необходима незамерзающая гавань в Северной Норвегии” обращается к распространенному в XIX в. среди норвежцев опасению, что Россия хочет получить незамер-

зающую гавань в Северной Норвегии. Автор отмечает, что русофобия стала одним из идеологических импульсов, “омывавших Норвегию с юга и запада после 1815 г. в течение десятилетий” (с. 70).

Отношения между Ватиканом и независимой Эстонией в 1922–1933 гг. рассматриваются в совместной статье к.и.н. А.А. Комарова и д.и.н. Е.С. Токаревой (оба – ИВИ РАН). Многочисленные источники, в том числе материалы недавно раскрытых для изучения фондов Тайного архива Ватикана, позволяют говорить о серьезности намерений властей католической церкви обратить православных и, возможно, лютеран Эстонии в католическую веру (с перспективой проникновения в Советскую Россию). Правительство Эстонии, в свою очередь, надеялось, что Святой Престол поможет ему обрести признание среди европейских держав (с. 77–80).

К.и.н. Ю.Л. Михайлова (ИВИ РАН) показала, как через Всесоюзное общество культурных связи с границей (ВОКС) и местное Общество культурного сближения с СССР действовали советские дипломаты в Латвии в 1925–1939 гг., формируя позитивный образ СССР. С их помощью организовывались выставки, экскурсии в Советский Союз, обмен артистами (с. 92–102).

Профессор Латвийского университета Э. Екабонс в статье “Латыши в руководстве Красной Армии и Народного комиссариата внутренних дел СССР (1921–1938)” называет главные предпосылки позитивного отношения советских властей к этническим латышам в рядах вооруженных сил: “правильное” происхождение, специальное военное образование, опыт участия в боевых действиях. Удельный вес латышей в советских вооруженных силах составлял 5,6% (с. 114).

Статья М. Ильярва (Институт истории Таллинского университета) “Кризис в Чехословакии и страны Балтии в 1938 г.” посвящена политике этих стран в Лиге наций. Особое внимание в ней уделено дискуссии между Эстонией, Латвией и Литвой вокруг объявления 16-й статьи Устава Лиги наций (о санкциях в отношении государства, действовавшего вопреки уставу, или которое развязало войну против государства – члена лиги) не обязательной для исполнения. Как считает автор, для стран Балтии выполнение этой статьи не было опаснее, чем ее игнорирование (с. 177).

В работе А.А. Комарова отмечается непосредительность Швеции в проведении политики нейтралитета в годы Второй мировой войны. Автор указывает и на изменения в интерпретации шведской “нейтральности” властями СССР: если в сталинское время она трак-

товалась в негативном ключе, то впоследствии Советский Союз неоднократно давал высокую оценку нейтралитету Швеции, хотя в МИД были прекрасно осведомлены о военно-техническом сотрудничестве Швеции со странами НАТО (с. 185–186).

Тематику шведской внешней политики продолжают опубликованные на английском языке статьи шведских исследователей: профессора-эмеритуса Университета Умео К. Вальбека “Мирное сосуществование? Взаимоотношения СССР и Швеции во времена Хрущева (1954–1964 гг.)” и профессора-эмеритуса Стокгольмского университета К. Мулина “Осмисливая польский кризис”. К. Вальбек, как и А.А. Комаров, отмечает непоследовательность в отношениях двух стран. К. Мулин, анализируя “шведский” взгляд на известные события, развернувшиеся в Польше в самом начале 1980-х годов, отмечает, что шведские дипломаты быстро сменили точку зрения относительно возможной реакции СССР на польский кризис 1980–1981 гг. (с. 200).

Доцент Высшей школы Сёдерторна Х. Карлбек, анализируя шведские представления о российской истории, выходит на “вечный вопрос”: Востоку или Западу принадлежит Россия? Х. Карлбек возглавляет Всешведское объединение женщин, имеющих высшее образование, потому ее особенно интересует, как шведы воспринимают советскую политику в области семьи и брака. В 20–30-х годах XX в. шведские левые реформаторы смотрели на советский опыт как на полезный и вдохновляющий пример. Также и в 60–70-е годы шведы приветствовали право советских женщин после замужества полноценно участвовать в трудовой деятельности, отдавать своих детей в доступные детские сады, делать аборт (с. 208).

Контактам российских оппозиционеров с их единомышленниками из стран Балтии в годы перестройки посвящена статья д.и.н. А.В. Шубина (ИВИ РАН). Лидеры национальных движений Эстонии, Латвии и Литвы в прямом смысле стали “учителями” московских оппозиционеров, делясь опытом с приезжавшими в страны Балтии (с. 213–214).

Тематику национальных движений в странах Балтии продолжает профессор политологии Таллиннского университета Р. Руутсоо, статья которого «Декларация “О суверенитете Эстонской ССР” и фронт республик Балтии против Кремля» проникнута антисоветским духом. Автор, в частности, утверждает, что

“установление советского режима не принесло им [странам Балтии] ничего позитивного, даже элементарной модернизации (распространение грамотности, секуляризация и т.д.)” (с. 222).

В гораздо более позитивном ключе отношения между Россией и странами региона описываются в совместной статье о взаимопроникновении культур д.социол.н. Р.Х. Симоняна и Т.М. Кочегаровой (оба – Институт социологии РАН). Они считают, что российская культурная матрица близка к культуре стран Северной Европы, о чем говорил и известный шведский экономист, социал-демократ Г. Мюрдаль: “Астрид Линдгрэн русская по натуре, а ее герой Карлсон потому так популярен в России, ибо он русский архетип” (с. 253).

Профессор Латвийского университета Г. Страубе ищет ответ на вопрос “Завоеватели – плохие/хорошие?”. Анализируя взгляд латвийских историков на завоевателей региона в эпоху Раннего нового и Нового времени (Речь Посполитая, Швеция, Россия), исследователь приходит к выводу, что любой завоеватель в принципе представляется национальным историкам в негативном ключе, однако латвийские историки в каждом господстве находят также и положительные моменты (с. 270).

Краткий обзор истории региона от эпохи викингов до настоящего времени представил профессор Шведского национального военного колледжа Г. Оселиус. Автор подчеркивает, что в настоящее время Россия уже не доминирует в регионе с точки зрения политики и военной мощи, но ведет активную экономическую деятельность (с. 275).

В заключительной статье профессор Высшей школы Сёдерторна Х. Дросте предлагает коллегам-историкам из государств Балтийского региона написать совместную “общую” историю. На примере Швеции и Германии автор показывает разницу в восприятии учеными разных стран истории региона.

Благодаря широкому диапазону затронутых тем и междисциплинарному подходу сборник представляет интерес не только для представителей академических кругов, но всех специалистов, в зону внимания которых входят страны Северной Европы и Балтии.

А.В. Рябиченко,
Балтийский федеральный университет,
Калининград